

МИФЫ
Мифология в советском языкознании
Владимир Алпатов

Период после октября 1917 года в нашей стране проходил под знаком приобщения масс к новой, в значительной мере мифологизированной картине мира. Овладевшие умами многих людей социальные мифы “строить и жить помогали”, открывая невиданные горизонты, но вместе с тем искажали реальный масштаб происходящего, мешая увидеть то, что находилось совсем рядом. Они охватывали все сферы жизни, в том числе и науку. Казалось бы, научное сознание полярно противоположно мифологическому, но опыт последнего столетия (и не только у нас¹) показывает, что это далеко не так.

Представление о всемогуществе науки, ее способности решить все проблемы и облагодетельствовать человечество явно мифологично по своей сути. А эпохой господства именно такой точки зрения был период с конца XIX по середину XX века. В СССР же миф сциентизма казался особо значимым, поскольку на него накладывался, как бы резонируя с ним, другой миф: о построении совершенно нового общества, ничем не связанного со старым миром, которое должно созидаться на строго научной основе — на базе правильной, марксистской методологии.

Не осталось в стороне от общего процесса мифологизации и языкознание, имевшее в данном отношении по крайней мере две особенности. Во-первых, отсутствие достаточного набора подходящих цитат из классиков марксизма, не так много занимавшихся проблемами языка², что делало необходимыми самостоятельные поиски “марксистской лингвистики”. Во-вторых, языкознание всегда было тесно связано с практикой, и эта связь еще более окрепла в СССР в 20—30-е годы — в период интенсивного языкового строительства. Наличие же или отсутствие практического выхода позволяло проверять научность и обоснованность теоретических построений, что ставило лингвистику в более выгодное положение в сравнении, скажем, с философией.

Существовало три наиболее важных концепции, в разной степени отразивших устремления эпохи в советском языкознании 20-х — первой половины 30-х годов. Это — “новое учение о языке” академика Н. Я. Марра, сформулированное в 1923—1924 годах, программа существовавшей в 1929—1932 годах лингвистической группировки “Языкофронт” и теория выдающегося лингвиста Е. Д. Поливанова. Следует учесть и взгляды еще одного крупного ученого тех лет — Н. Ф. Яковлева, не отличавшиеся цельностью: по ряду позиций он был близок к Е. Д. Поливанову, но в других случаях испытал влияние марризма. При определенном единстве взглядов и общей противопоставленности “старой науке” все эти концепции имели достаточно серьезные различия, приводившие к ожесточенной борьбе между их приверженцами.

Н. Я. Марр был ярким и талантливым человеком, не обладавшим, однако, многими необходимыми для ученого качествами: умением строго опираться на факты, объективностью, самокритичностью. К тому же, хотя он и получил серьезное востоковедное образование, но не имел достаточной лингвистической подготовки. Ему всегда было свойственно стремление к широким обобщающим теориям, не вытекающим из фактического материала. По выражению его ученика В. И. Абаева, Марр при активности творческого центра был лишен центра торможения. Поэтому он легко мог утверждать самые фантастические положения, подгоняя к ним одну часть фактов и отбрасывая другую.

В области языкознания Н. Я. Марр с самого начала столкнулся с тем, что сравнительно-историческое языкознание, господствующая лингвистическая парадигма XIX века, не сумело выяснить, какое место в генетической классификации языков мира занимает его родной грузинский язык вместе с явно родственными ему мегрельским, лазским и сванским. Эта проблема не могла быть решена тогда просто из-за недостатка накопленного материала (впервые к ее решению приблизились лишь в 60-х годах нашего века В. М. Иллич-Свитыч и его коллеги, а общепринятой точки зрения нет и поныне). Марр объявил сначала о грузино-семитском языковом родстве, затем о существовании обширной яфетической семьи языков, куда включил чуть ли не все языки Евразии с неясными родственными связями (включая и те, о которых ничего не известно, кроме названий). Когда же существование все расширявшейся яфетической семьи стало трудно объяснить традиционными научными методами, он просто отбросил их и заявил в 1923 году об “опровержении” почти всех элементарных понятий языкознания, в том числе языкового родства и языковых семей. Взамен было предложено “новое учение о языке”, также именовавшееся “яфетической теорией”, где автор изложил схему развития языка от его возникновения в среде магов в первобытном обществе из “диффузных выкриков” до достижения им высшей стадии в будущем коммунистическом обществе³.

Положения “нового учения о языке” либо недоказуемы, либо легко опровергаются фактами, да и

просто здравым смыслом (недаром с задачей его опровержения вполне справился такой далекий от языкознания человек, как И. В. Сталин). Но в 20-е годы марризм был очень популярен, поскольку соответствовал умунастроениям эпохи, что вполне очевидно из многих высказываний Н. Я. Марра и его последователей. Вот основные положения этой теории:

1. Полное отрицание “буржуазной науки”.. “Формально идеалистическое учение, на котором построена так называемая грамматика, абсолютно не приспособлено к увязке ни с живой речью подлинной, ни с ее базой — производством и производственными отношениями, и с нами, растущими общественностью и мировоззрением... Созданная таким торжествующим доселе идеалистическо-формалистическим научным мировоззрением грамматика смотрит обозленной волчицей на надвигающихся на нее сотнями, тысячами и миллионами нарушителей ее бумажного канона”⁴. “С Октябрьской революции наши привычные представления, точно роскошные, но никому не нужные вазы, разбиваются вдребезги”⁵. “Я прекрасно знаю, какие благородные, самоотверженные работники лингвисты-индоевропеисты, между тем сама индоевропейская лингвистика есть плоть от плоти, кровь от крови отживающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой”⁶. “Да, не скрою: яфетическая теория, а с нею и я, мы губим отжившее научное дело, индоевропейское языкознание⁷, в настоящей его постановке давно зашедшее в тупик, и в этой погибели, когда она станет всем ясной (для нас и теперь она очевидна), спасение науки об языке”⁸. “Есть лингвисты, но науки о языке доселе не было”⁹. “Передо мною... встают мифические существа, пленители красавиц истин — вишапы, извергатели вод, огнедышащие драконы, шипящие мудрые змии и бесшумно ядовитые скорпионы. Но эти легионы не страшны. Это одна видимость исчезающих занявшейся уже зарею ночных сил”¹⁰.

2. Новая наука создается “живым творчеством масс”. “Трудность исключительного характера в необходимости овладеть новым мышлением¹¹, требующимся для теории нового учения об языке, ибо это значит одолеть или победить себя, поскольку человек это мыслящее существо и расстаться со своим мышлением представляется по традиции актом самоотречения — отказом от себя. Новое учение об языке требует отречения не только от старого научного, но и от старого общественного мышления. Вот почему так трудно стать лингвистом-теоретиком”¹². “Гуманитарные науки уже не в тупике, а взорваны: взорвали их сами ученые и те общественности, которые творили самих ученых”¹³. “Наше полное достижение, достижение, заказанное пролетариатом, слияние науки и ее идеологической техники с искусством и его формальной техникой, также единство ума и красоты, но ума пролетарского мышления — диалектико-материалистического”¹⁴. “Товарищи краеведы! Берите в свои руки настоящее исследовательское дело и приобщайте трудящиеся массы к настоящей исследовательской работе... Наука без привлечения масс в самом научном творчестве обречена на прозябание в старых путях, обречена оставаться при старых методах”¹⁵. “Только рабочая среда, свободная от рутины и сильная молодой, восходящей силой, может разрешить все эти трудности. Наука, самая передовая наука взывает именно к ней”¹⁶.

3. Ведущая роль принадлежит “живым” языкам угнетенных народов¹⁷ и бесписьменным диалектам. Марр отверг “идею господства письменного, разумеется, буржуазного классового языка... над всеми массовыми языками, постепенно сводящимися обычно в диалекты такого навязанного для главенства языка, идея, лелеемая не только в политике шовинистами, фашистами, но более чем лелеемая, прямо-таки проводимая учеными, независимо от их желаний, самим методом их работы”¹⁸. Яфетическая теория — “мощное орудие культурного раскрепощения множества “бесписьменных” народов”¹⁹. “Борьба неизбежна на фронте не только научных методов и теоретических положений, но и общественно важных проблем, так, переноса в первую голову исследовательской работы на бесписьменные языки культурно поработанных народностей”²⁰. “Младописьменные, даже бесписьменные языки оказываются более приспособленными и для теоретической трактовки методом нового учения об языке, чем так много изучавшиеся классические языки греческий и латинской. Они займут их место в преподавании”²¹. “Долой Милосскую Венеру, да здравствует мотыга и мотыжная культура!”²²

4. Классовость и революционное развитие языка. “Нет языка, который не был бы классовым, нет мышления, которое не было бы классовым”²³. Язык — “незаменимое орудие классовой борьбы”²⁴, а также “орудие культурной работы”²⁵. Источник перемен мутационного порядка в языках — “глубоко идущие революционные сдвиги в процессе диалектического отбора, революционные сдвиги, которые вытекали из качественно новых источников материальной жизни, качественно новой техники и нового социального строя. В результате получалось новое мышление, а с ним новая идеология в построении речи и, естественно, новая ее техника. Отсюда различные системы языков”. “История человечества в своих действительно новых достижениях есть история революций. Эти революции не только разрывали цепь последовательного развития и культуры и звучащей речи, но и разбрасывали членов одной

общественности на той или иной стадии развития так, что их приходится собирать со всего мира”²⁵.

5. Революция в языке после Октября. “Октябрьский революционный порыв” — “великий гончар письма и языка”²⁷. “Если переживаемая нами революция не сон, то не может быть речи ни о какой паллиативной реформе ни языка, ни грамматики, следовательно, письма или орфографии. Не реформа, а коренная перестройка, а сдвиг всего этого надстроечного мира на новые рельсы, на новую ступень стадияльного развития человеческой речи, на путь революционного творчества и созидания нового языка”²⁸. “При новом дыхании жизни современного общества не может не чужь наступления своего конца в самой своей стране даже такой тысячелетиями вращивавшийся, общий для многих миллионов письменный язык, как китайский”²⁹. “Тут не о реформе письма и грамматики приходится говорить, а о смене норм языка, переводе его на новые рельсы действительно массовой речи. То, что нужно, это... речевая революция, часть культурной революции”³⁰. “Сейчас у нас, безусловно, язык рабочих, прежде всего, будет иметь преобладающее место в литературе и мы будем изгонять интеллигентские особенности языка”³¹.

6. Необходимость единого письма, а затем и единого языка человечества. “Условия взаимообщения народов всего мира не в меньшей степени требуют единства письма”³². “Будущий язык — мышление, растущее в свободной от природной материи технике... И великие, и малые языки одинаково смертны перед мышлением пролетариата”³³. “Будущий единый всемирный язык будет языком новой системы, особой доселе не существовавшей, как будущее хозяйство с его техникой, будущая внеклассовая общественность и будущая внеклассовая культура”³⁴.

Влияние социальных мифов на Марра было последовательным и логически завершенным. Вся доселе существовавшая наука отвергалась, по крайней мере, декларативно³⁵. Не только методология, но сами накопленные факты выбрасывались за борт. Изменения в экономике признавались единственным источником изменений в языке. Задача создания всемирного алфавита и даже всемирного языка признавалась одной из первоочередных. В 1926 году в руководимом Марром Яфетическом институте даже пытались создавать нормы всемирного языка³⁶. Такая последовательность и бескомпромиссность обеспечивали марризму популярность и привлекали внимание представителей власти. М. Н. Покровский писал: “Теория Марра еще далека от господства, но она уже известна всюду. Уже всюду ее ненавидят. Это очень хороший признак. Марксизм всюду ненавидят уже три четверти столетия и под знаком этой ненависти он все более и более завоевывает мир. Новая лингвистическая теория идет под этим почетным знаком, и это обещает ей... такое же славное будущее”³⁷. К концу 20-х годов учение Н. Я. Марра официально признали “марксизмом в языкознании”.

Но у этого учения имелся неустранимый недостаток: полная непригодность на практике. Сам Марр предпочитал заниматься вопросами языковой доистории, где его построения из-за нехватки материала нельзя было ни доказать, ни опровергнуть. Попытки же марристов распространить его идеи на современность оказывались слишком неудачными. Не увенчалась успехом и единственная реальная попытка участия сподвижников Марра в языковом строительстве: внедрение марровского “абхазского аналитического алфавита” (считавшегося прообразом “мирового алфавита”) — он оказался слишком сложен и непригоден к массовому усвоению. Не удалась и предпринятая В. Б. Аптекарем и И. К. Кусикьяном попытка создания марристовской школьной программы: она почти не содержала конкретного языкового материала и была забракована педагогами³⁸. Ничего не вышло и из призыва марристов “заняться пересмотром форм и норм литературных языков СССР, и, в первую очередь, русского языка, с целью приближения их к живой речи рабочих и крестьян”³⁹. О реальности создания всемирного языка не приходится и говорить.

Отметим еще одну сторону дела. 20—30-е годы в мировом языкознании были периодом явного кризиса старой, сравнительно-исторической научной парадигмы и формирования новой — структуралистской. Н. Я. Марр использовал в своих целях ощущавшийся многими кризис старой науки о языке и предложил выход из тупика, оказавшийся иллюзорным. Но в той мере, в которой учение Марра сохраняло какие-то связи с лингвистикой, оно при внешней радикальности было крайне архаическим. Отвергнув большинство традиционных положений, Марр сохранил понимание этой науки как исторической, хотя именно преодоление такого понимания являлось одним из главных свойств смены парадигм. Почти единственный компонент прежнего языкознания, сохраненный в “новом учении о языке” — это восходящая к В. Гумбольдту концепция прогрессивного стадияльного развития языков, связанного с развитием общества. Но к концу XIX века она уже была преодолена наукой, и лишь Марр пытался ее возродить. Многие волновавшие его проблемы: происхождение языка, язык и мышление, будущий язык человечества, — занимали ученых в XVII—XIX веках, а к концу XIX века были оставлены ввиду отсутствия материала. Своим врагом Марр считал “индоевропеизм”, просто не заметив новую

научную парадигму.

В отличие от Н. Я. Марра языкофронтовцы ввиду недолгого существования своей группы не получили возможности выступить с развернутым печатным изложением своих взглядов; то же, что они успели напечатать, более связано с полемикой, чем с изложением позитивной концепции. Но уже анализ схождения и расхождений языкофронтовцев (Т. П. Ломтев, Г. К. Данилов, Я. В. Лоя, П. С. Кузнецов) с марризмом показывает, что мы имеем дело с более умеренным вариантом того же мифологического подхода.

Языкофронтовцы принимали у Н. Я. Марра материалистический подход к языку, признание языка надстройкой и классовость языка. Не менее марристов они клеймили “буржуазную науку”: видных ученых М. Н. Петерсона и Д. Н. Ушакова называли “представителями псевдонауки”⁴⁰. Подчеркивалось, что язык “по самой природе своей есть классовое явление”⁴¹, и в виде примера разных классовых языков Т. П. Ломтев приводил фразы “*сердечный союз народов Европы*” и “*революционный союз пролетариев всего мира, братьев по классу*”⁴², а П. С. Кузнецов соответственно — “*властепорство*” (термин П. Н. Милюкова) и упоминаемый В. И. Лениным “*похабный мир*”⁴³. Известные слова В. И. Ленина об очистке русского языка от ненужных заимствований Т. П. Ломтев интерпретировал так: Ленин “первый поставил вопрос об очистке русского языка и его большевистском регулировании с точки зрения исторических задач пролетариата и его партии в эпоху пролетарской революции”⁴⁴. Г. К. Данилов всерьез пытался выделить особенности языка рабочих по сравнению с языком других классов, а внутри его — особенности языка ударников, что вызвало критику даже со стороны марристов⁴⁵.

Но при этом языкофронтовцы заявляли: “Не можем выбросить за борт все фактическое богатство лингвистических фактов”⁴⁶. И даже: “Марксисты-языковеды понимают все великое значение строго-сравнительного метода, против которого за последнее время разными фантастами наговорено столько благоглупостей”⁴⁷. Особо подчеркивалось значение В. Гумбольдта, сопоставлявшееся Т. П. Ломтевым со значением Г. Гегеля для марксизма⁴⁸. Языкофронтовцы тоже требовали построения нового, “марксистского” языкознания, но в отличие от марристов не на пустом месте.

В марризме языкофронтовцев не устраивали прежде всего уход от современности в доисторию, “отрыв от живой практики социалистического сегодня”⁴⁹ и слишком прямолинейное объяснение всех изменений в языке экономическими причинами: “Отождествление типологических отношений в языке и производственных общественных отношений является несомненно механистическим моментом, который и приводит к невозможности выяснения специфики языка со всеми свойственными ему закономерностями”⁵⁰. Ставя своей задачей “помощь формированию литературного языка класса-гегемона”⁵¹, языкофронтовцы критиковали марристов за то, что у них “в каждом предложении склоняется по всем падежам слово “класс”⁵². Не соглашались они и с тем, что Марр вместо реформы орфографии предлагал “языковую революцию”⁵³. Не стремились они и к созданию всемирного языка: следует учитывать, что к моменту возникновения “Языкофронта” мировая революция уже не казалась делом близкого будущего.

В отличие от “нового учения о языке” концепция языкофронтовцев, далеко не во всем разработанная, если не помогала решению практических задач, то по крайней мере им не мешала. Языкофронтовцы в основном были русистами по лингвистической специализации, многие из них, особенно Г. К. Данилов и К. А. Алавердов, активно занимались методикой преподавания русского языка (в том числе как иностранного); их учебники и методические пособия вполне вписывались в традиции русистики. Теория языкофронтовцев главным образом была направлена против традиционного исторического языкознания, но могла совмещаться с новыми методами. Языкофронтовец П. С. Кузнецов уже в те годы стал одним из создателей Московской фонологической школы, передового и, несомненно, структуралистского направления в советской лингвистике. Отметим и попытки Т. П. Ломтева совместить уже в 50—60-е годы “марксистскую лингвистику” со структурализмом⁵⁴. Однако в целом члены “Языкофронта” либо не оставили заметный след в науке, либо написали основные работы позднее. От их же деятельности 1929—1932 годов остались лишь общедекларативные публикации и полемические выступления против марризма, иногда удачные. В 1932 году сторонники Марра вынудили “Языкофронт” самораспуститься, а к 1933-му это направление окончательно разгромлено.

Е. Д. Поливанов и Н. Ф. Яковлев, наоборот, написали самые значительные свои работы в 20-е годы и в первой половине 30-х. Здесь мы не рассматриваем их, безусловно, значительную научную деятельность в целом, каждому из них посвящен ряд исследований⁵⁵. Е. Д. Поливанов внес большой вклад в развитие многих областей общего языкознания и в изучение многих конкретных языков: японского, китайского, корейского, тюркских и др. Н. Ф. Яковлев стал одним из основоположников структурной фонологии. Оба они, особенно Н. Ф. Яковлев, сыграли ведущую роль в языковом строительстве, прежде

всего в создании алфавитов для языков народов СССР. Они относились к научным новаторам и активно участвовали в формировании новой научной парадигмы. В то же время оба они участвовали в революции и стояли на советских позициях, что проявлялось и в их попытках создания марксистской лингвистики.

Эта задача казалась первоочередной и им, но подходили они к ней иначе, чем марристы и языкофронтовцы. Прежде всего иным было отношение к самой науке. Если Марр призывал отбросить ее начисто, а языкофронтовцы соглашались взять из нее лишь факты, то Е. Д. Поливанов писал: “Никакой другой науки, кроме буржуазной, вообще не существовало, а на Западе не существует и до настоящего времени. И это относится и к лингвистике, и к астрономии, и к теории вероятности, и к орнитологии, и т. д., и т. д. Наша задача состоит в том, чтобы убедиться, что такая-то и такая-то научная дисциплина сумела установить ряд бесспорных положений; и раз мы в этом убеждаемся (для чего необходимо, впрочем, наличие известных знаний в данной специальности)⁵⁶, то мы не только можем, но и должны считаться с этими бесспорными достижениям буржуазной науки, как должны считаться и с формулой $a^2 - b^2 = (a+b)(a-b)$, как должны считаться и с наличием микроскопа, и с наличием всей той бактериологической фауны, которая этим микроскопом была открыта, несмотря на то, что изобретатель микроскопа был голландский торгаш⁵⁷ — существо насквозь буржуазное и идеологически вполне, быть может, нам чуждое. Если же мы под тем предлогом, что все это — “продукты буржуазной науки”, будем строить свою науку без всех указанного рода буржуазно-научных достижений или просто отметая (то есть не желая знать) их или же отрицая их (потому, что они — продукт буржуазного мира), мы не только не создадим никакой новой, своей науки, но превратимся просто в обскурантов”⁵⁸.

Отвергал Е. Д. Поливанов и прямое выведение языковых явлений из экономики: “Совершенно нелепым упрощением будет попытка объяснить все факты современного, например, русского языка экономическо-политической историей последних ста, трехсот или пятисот, а тем более последних двадцати лет, если объяснитель... не захочет знать ни о чем больше, т. е. упустит из вида технический момент эволюции языка: и материал эволюции (то есть состав предка данного языка в исходную для эволюции эпоху), и технические законы языкового развития”⁵⁹. Влияние же экономики и политики на развитие языка, как вполне правильно указывал Е. Д. Поливанов, главным образом заключается в том, что “экономико-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей (или так называемый социальный субстрат) данного языка или диалекта, а отсюда вытекает и видоизменение отправных точек его эволюции”⁶⁰.

Отказывались Е. Д. Поливанов и Н. Ф. Яковлев и от слишком явно утопических планов. Так, Н. Ф. Яковлев четко показал несостоятельность идеи “ставить проблему алфавита сразу в мировом масштабе”. Тем более не представляла для них интереса проблема мирового языка будущего. Они были сосредоточены на решении задач, казавшихся тогда абсолютно реальными: создании алфавитов и литературных норм для языков народов СССР.

Задачу марксистской лингвистики Е. Д. Поливанов видел “в построении новых отделов — языкознания социологического, которое сольет в стройное прагматическое целое конкретные факты языковой эволюции с эволюцией (то есть историей) общественных форм и конкретных общественных организмов”⁶². В 1929 г. он предложил такую программу социологической лингвистики: “1. Определение языка как социально-исторического факта. Собственно говоря, сочетание лингвиста и марксиста в одном лице уже предполагает решение этой задачи. Но все-таки нужна еще формулировка. Итак, это лишь первый необходимый шаг, не более того. 2. Описание языков и диалектов с социологической точки зрения. Нужна, конечно, методология прежде всего (с новыми понятиями вроде социально-групповых диалектов и т. д.). 3. Оценочный анализ данного языка как орудия общения. 4. Изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями. 5. Оценочный анализ языка (и отдельных его сторон) как средства борьбы за существование. 6. Общая типологическая схема эволюции языка в связи с историей культуры. 7. Прикладные вопросы социологической лингвистики: языковая политика”⁶³. Реализовать до конца эту программу ученому не удалось по не зависящим от него обстоятельствам.

Стремление создать марксистскую лингвистику толкало Е. Д. Поливанова к построению социолингвистики, к исследованию причин языковых изменений. Наука того времени мало чего достигла в этом направлении, и, безусловно, Е. Д. Поливанов сделал здесь шаг вперед. Ряд его идей актуален и поныне. Многое здесь он старался уложить в прокрустово ложе казавшихся тогда незыблемыми схем, стараясь найти в языке примеры революционных сдвигов, проявления закона перехода количества в качество и т. д., однако и это делалось умело, на основе анализа многочисленных фактов разных языков, а любой анализ такого рода всегда интересен. Многие проблемы, перечисленные Е. Д. Поливановым в его программе, и сейчас не решены, и нельзя не вспомнить того, кто впервые их четко поставил. Задача

создания алфавитов для языков различной фонологической структуры стимулировала создание Н. Ф. Яковлевым оригинальной структурно-фонологической концепции⁶⁴. Таким образом влияние господствующих идей эпохи могло не только увести в сторону от науки, как это произошло с Н. Я. Марром, но и способствовать ее развитию⁶⁵.

И все же ни Е. Д. Поливанов, ни Н. Ф. Яковлев (еще больше) не избежали утопизма. Сами задачи языкового строительства во многом исходили из нереального представления о том, что главная задача — дать возможность представителю каждой, даже самой маленькой народности, пользоваться во всех ситуациях родным языком и приобщиться с его помощью к достижениям мировой культуры. Н. Ф. Яковлев в 1932 г., отмечая, что уже более чем у 80 национальностей СССР существуют письменность и школа, делал вывод: “Несомненно, что еще до конца второй пятилетки задача полного охвата всех национальностей Советского Союза письменностью на родном языке будет окончательно разрешена”⁶⁶. Этого не произошло. И не из-за лингвистических трудностей (с ними как раз Н. Ф. Яковлев, Е. Д. Поливанов и их соратники справлялись хорошо), а потому, что развитие экономических и социальных связей в едином государстве требовало прежде всего усиления позиций русского языка⁶⁷. Не учитывал реальность и предложенный Н. Ф. Яковлевым проект латинизации русского языка. Аргументация ученого в пользу этого лингвистически вполне продуманного проекта сводилась к положениям, соответствовавшим социальной мифологии тех лет: “На этапе строительства социализма существование в СССР русского алфавита представляет собою безусловный анахронизм — род графического барьера, разобщающий наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада”⁶⁸.

Не был свободен от влияния социальных мифов и Е. Д. Поливанов, хотя в целом он был трезвее. Не в меньшей степени, чем марристы и языкофронтовцы, он исходил из постулата о классовости языка, а в тех изменениях, которые произошли в русском языке после 1917 года, ему хотелось увидеть языковую революцию. Сопоставляя язык комсомольских рассказов Марка Колосова с “языком рядового интеллигента довоенного времени”, Е. Д. Поливанов восклицал: “Да, это уже **другой язык**”⁶⁹. Впрочем, он указывал, что изменился не столько сам язык, сколько состав его носителей: “На пути к бесклассовому своему характеру русский литературный язык становится классовым языком уже не той группы лиц, которая была носителем этого языка до революции, а более широких и социально-разнородных слоев населения Союза”⁷⁰. Ему казалось, что революция в языке не закончилась и через одно-два поколения русский язык существенно изменится за счет интерференции между литературным языком и народными говорами, а также в связи с овладением этим языком массами нерусского населения⁷¹. (Сравним этот прогноз с предсказаниями марристов о вытеснении “интеллигентского” языка “языком рабочих и крестьян”. Оба прогноза не оправдались.) Однако Е. Д. Поливанов как раз был прав, предсказывая, что русский литературный язык станет “бесклассовым”. Только произошло это не по тем причинам, о которых он думал: ведь бесклассовыми стали (и часто раньше, чем русский) и литературные языки других развитых стран.

Разные концепции могли контаминироваться. Если Е. Д. Поливанов последовательно отвергал марризм, то Н. Ф. Яковлев и ряд других лингвистов искали компромисса с ним, о чем один из марристов не без злорадства и вполне точно писал: “Незадачливые исследователи торопятся великодушно предоставлять яфетидологии и ее методу все, что относится к “до-истории языка” по принципу: “Тебе, Мишенька, корешки, а мне вершки”, как в известной сказке при дележе урожая пшеницы. Методу Марра — до-историю, а формальному методу 72 современный язык”⁷³. Н. Ф. Яковлев, увлекавшийся идеями Н. Я. Марра еще с начала 20-х годов, пытался, конкурируя с марризмом, создать собственные концепции происхождения языка и языковых стадий.

Общественная обстановка того времени толкала исследователей в сторону марксистской лингвистики, чему отдал дань даже М. М. Бахтин, которого сейчас многие рассматривают как принципиального антимарксиста⁷⁴. Но тогда в этой области был возможен свободный научный поиск. С конца 20-х — начала 30-х годов ситуация резко изменилась. Наименее связанное с наукой “новое учение о языке” было канонизировано как “марксизм в языкознании”. Е. Д. Поливанова объявили “черносотенцем”. Он вынужденно переехал в Среднюю Азию и в 30-е годы мог печататься лишь в местных малотиражных изданиях, а в 1937-м его арестовали. Вскоре он погиб. “Языкофронт” был разгромлен, а его члены долго оставались без работы либо также покидали Москву. Н. Ф. Яковлев, примкнув к марристскому лагерю, снизил уровень своих работ. Но постепенно стал меняться и сам марризм, особенно после смерти Н. Я. Марра в 1934 году. Его последователи во главе с И. И. Мещаниновым пошли на компромисс с научным языкознанием. Задача замены “буржуазной науки” “новым учением о языке” незаметно была подменена задачей дополнения ранее существовавшего языкознания некоторыми идеями

Марра преимущественно там, где научное языкознание не могло предложить ничего конкретного: происхождение языка, стадии. Уже с середины 30-х годов шел процесс демифологизации советского языкознания, завершившийся после выступления И. В. Сталина против Марра в 1950-м. Задача построения марксистского языкознания после этого окончательно превратилась в чисто декларативную, сколько-нибудь всерьез она за отдельными исключениями вроде упоминавшегося выше Т. П. Ломтева уже никого не интересовала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Miller R. A. Japan's Modern Myth. The Language and Beyond.* N. Y., 1982.

² У Ф. Энгельса впрочем есть лингвистическая работа “Франкский диалект”, но она впервые была опубликована лишь в 1935 г. в СССР. К тому же она посвящена достаточно узким вопросам немецкой диалектологии.

³ См. нашу книгу: *Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм.* М., 1991.

⁴ *Марр Н. Я. К реформе письма и грамматики // Русский язык в советской школе, 1930. № 4. С. 47.*

⁵ Там же. С. 45.

⁶ *Марр Н. Я. Избранные работы.* М.—Л., 1933—1937. Т. III. С. 1.

⁷ Сравнительно-историческое языкознание XIX в. в основном занималось индоевропейскими языками, Марр “индоевропеистикой” называл всю отвергаемую им науку о языке.

⁸ *Марр Н. Я. Т. II. С. 180.*

⁹ *Марр Н. Я. Т. II. С. 412.*

¹⁰ *Марр Н. Я. Т. I. С. 1.*

¹¹ Это словосочетание сейчас ассоциируется с иной эпохой, но одним из первых его ввел в употребление именно Н. Я. Марр.

¹² *Марр Н. Я. Т. II. С. 426.*

¹³ *Марр Н. Я. Напутствие молодым ученым.* Л., 1929. С. 1.

¹⁴ *Марр Н. Я. Т. III. С. 111.*

¹⁵ *Марр Н. Я. Т. I. С. 235.*

¹⁶ Из речи Н. Я. Марра перед рабочими Керчи, переданной в воспоминаниях Л. А. Мацулевича: Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935. № 3—4. Речь имела один практический результат: шестнадцатилетний рабочий Анатолий Бернштам, услышав Марра, так вдохновился его словами, что поехал в Ленинград учиться у академика, став впоследствии известным археологом.

¹⁷ Здесь был еще один внеученый стимул для Марра: его грузинские национальные чувства и постоянное желание доказать мировую роль кавказских народов, влиявшие на него с самого начала деятельности. Этот вопрос требует особого рассмотрения.

¹⁸ *Марр Н. Я. Т. I. С. 287.*

¹⁹ *Марр Н. Я. Т. II. С. 118.*

²⁰ *Марр Н. Я. Т. III. С. 34.*

²¹ *Марр Н. Я. Т. V. С. 395.*

²² *Марр Н. Я. Т. II. С. 33.*

²³ *Марр Н. Я. Т. III. С. 91.*

²⁴ *Марр Н. Я. Т. III. С. 75.*

²⁵ *Марр Н. Я. Т. II. С. 256.*

²⁶ *Марр Н. Я. Т. IV. С. 61.*

²⁷ *Марр Н. Я. Т. II. С. 352.*

²⁸ *Марр Н. Я. Т. II. С. 370—371.*

²⁹ *Марр Н. Я. Т. II. С. 396.*

³⁰ *Марр Н. Я. К реформе языка и грамматики.* С. 47.

³¹ *Аптекарь В. Б. Выступление по докладу Н. М. Каринского в Коммунистической академии // Архив РАН. Фонд 468. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 41.*

³² *Марр Н. Я. Т. II. С. 328.*

³³ *Марр Н. Я. Т. III. С. 121.*

³⁴ *Марр Н. Я. Т. II. С. 25.*

³⁵ Реально Н. Я. Марр при всем желании не мог строить свои концепции совсем на пустом месте, и в его учении можно видеть наряду с собственными фантазиями компоненты, взятые у В. Гумбольдта, Г.

Шухардта, А. Н. Веселовского, Э. Кассирера, Л. Леви-Брюля и др.

³⁶ См.: *Башинджаган Л. Г.* Институт языка и мышления имени Н. Я. Марра // Вестник АН СССР, 1937. № 10—11. С. 258.

³⁷ Известия, 1928, 23 мая.

³⁸ См.: *Алавердов К.* Практика яфетидологов и современность // Революция и язык, 1931. № 1. С. 52.

³⁹ *Сердюченко Г. П.* Старое и новое в науке о языке // На подъеме. Ростов-на-Дону, 1931. № 4. С. 156.

⁴⁰ *Ломтев Т. П.* За марксистскую лингвистику // Литература и искусство, 1931. № 1. С. 115.

⁴¹ *Ломтев Т. П.* К вопросу о большевистской партийности в языке Ленина // Литература и язык в политехнической школе, 1932. № 1. С. 12.

⁴² Там же.

⁴³ *Кузнецов П. С.* Яфетическая теория. М.—Л., 1932. С. 4.

⁴⁴ *Ломтев Т. П.* К вопросу... С. 12.

⁴⁵ Против буржуазной контрабанды в языкознании. Л., 1932. С. 36.

⁴⁶ *Ломтев Т. П.* Очередные задачи марксистской лингвистики // Русский язык в советской школе, 1931. № 5. С. 152.

⁴⁷ *Лингвист (Лоя Я. В.)*. Основные направления в языкознании // На посту, 1929. № 20. С. 57.

⁴⁸ См.: Революция и язык, 1931. № 1. С. 13—14.

⁴⁹ Там же. С. 4.

⁵⁰ *Данилов Г.* Яфетидология в наши дни // Революция и язык, 1931. № 1. С. 23.

⁵¹ Революция и язык, 1931. № 1. С. 3.

⁵² *Лингвист.* С. 55.

⁵³ *Алавердов К.* С. 55.

⁵⁴ См. его посмертную книгу: *Ломтев Т. П.* Общее и русское языкознание. М., 1976.

⁵⁵ См.: *Леонтьев А. А.* Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983; *Ларцев В. Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988; Н. Ф. Яковлев и советское языкознание. М., 1988.

⁵⁶ Намек на оппонентов из марристского лагеря.

⁵⁷ Речь идет о А. ван Левенгукке.

⁵⁸ *Поливанов Е. Д.* За марксистское языкознание. М., 1931. С. 15.

⁵⁹ *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 181.

⁶⁰ Там же. С. 86.

⁶¹ *Яковлев Н. Ф.* “Аналитический” или “новый” алфавит? // Культура и письменность Востока. М., 1931. Вып. X. .

⁶² *Поливанов Е. Д.* Статьи... С. 52.

⁶³ Там же. С. 186.

⁶⁴ См.: *Яковлев Н. Ф.* Математическая формула построения алфавита // Культура и письменность Востока. Баку, 1928. Вып. I. Показательно, что теоретическая работа вышла в издании по языковому строительству.

⁶⁵ Конечно, этот стимул не был обязателен. Создателями структурной фонологии наряду с Н. Ф. Яковлевым были его друзья студенческих лет, а к 20-м годам эмигранты Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон (все трое в 20-е годы продолжали тесные научные контакты). Р. О. Якобсон однако признавал здесь приоритет Н. Ф. Яковлева.

⁶⁶ *Яковлев Н. Ф.* Некоторые итоги латинизации и унификации алфавитов в СССР // Революция и письменность, 1932. № 4—5. С. 27.

⁶⁷ См. нашу статью: *Алпатов В. М.* Языковая политика СССР в 20—30-е годы: утопии и реальность // Восток, 1993. № 5.

⁶⁸ *Яковлев Н. Ф.* За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. Баку, 1930. Вып. VI. С. 35.

⁶⁹ *Поливанов Е. Д.* Русский язык сегодняшнего дня // Литература и марксизм, 1928. Кн. 2. С. 168.

⁷⁰ *Поливанов Е. Д.* О литературном (стандартном) языке современности // Родной язык в школе. М., 1927. Сб. 1. С. 227.

⁷¹ Там же. С. 227—228.

⁷² Так марристы называли новую, структуралистскую парадигму.

⁷³ *Боровков А. К.* Новое учение о языке и проблема национальных языков // ВЦКНА Н. Я. Марру.

М., 1936. С. 107.

⁷⁴ *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. Л., 1928. Автором считается М. М. Бахтин. Вероятнее всего, Бахтин и Волошинов писали книгу совместно.